

РОМАН ПОКОЛЕНИЯ

ОЛЬГА
БРЕЙНИНГЕР

В СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ
НЕ БЫЛО
АДДЕРОЛА

РОМАН
РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

РАСШИРЕННАЯ
СЕРИЯ

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Художественное оформление *Елены Сергеевой*
На переплете использовано фото Thais Ramos Varela,
предоставленное фотобанком www.stocksy.com.

Брейнингер, Ольга Александровна.

Б87 В Советском Союзе не было аддерола : [роман, рассказы] / Ольга Брейнингер. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. — 349, [3] с. — (Роман поколения).

ISBN 978-5-17-104487-9

Ольга Брейнингер родилась в Казахстане в 1987 году. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького и магистратуру Оксфордского университета. Живет в Бостоне (США), пишет докторскую диссертацию и преподает в Гарвардском университете. Публиковалась в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новое Литературное обозрение». Дебютный роман «В Советском Союзе не было аддерола» вызвал горячие споры и попал в лонг-листы премий «Национальный бестселлер» и «Большая книга».

Героиня романа — молодая женщина родом из СССР, докторант Гарварда, — участвует в «эксперименте века» по программированию личности. Идеальный кандидат для эксперимента, этническая немка, вырванная в 1990-е годы из родного Казахстана, — она вихрем пронеслась через Европу, Америку и Чечню в поисках дома, добилась карьерного успеха, но в этом водовороте потеряла свою идентичность.

Завтра она будет представлена миру как «сверхчеловек», а сегодня вспоминает свое прошлое и думает о таких же, как она, — бесконечно одиноких молодых людях, для которых нет границ возможного и которым нечего терять.

В книгу также вошел цикл рассказов «Жизнь на взлет».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-104487-9

© Брейнингер О.А.
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

В Советском Союзе не было аддерола <i>роман</i>	7
Жизнь на взлет <i>рассказы</i>	
Тиндер и кроме.....	205
Вера Ванг	230
Маленькие бесстрашные женщины с Брайтон-Бич.....	252
Страна Аэрофлот.....	282
На очереди.....	324
Примечания	351

**В Советском Союзе
не было аддерола**

роман

Часть 1

Советский Союз, которого уже никогда не будет, и городá, о которых все забыли

Глава первая, в которой я приезжаю в Чикаго на ежегодную конференцию Международной ассоциации славистов и по дороге рассказываю о том, как стала объектом «эксперимента века»

Первую главу «Гламорамы» Эллиса никому не повторить. Пять, целых пять страниц о том, как разъяренный Виктор отчитывает всех за крапинки на стене, крапинки, которых никто, кроме него, не видит, и поминутно называет всех «детка», и от раздражения из-за самой ситуации и этого слова теряешь перспективу и ненавидишь и Виктора, и Эллиса, и саму книгу так, что когда доходит до настоящего — терроризма, иллюзий, взрывающихся тел, предупреждений, гротескной картины того, чем мы все стали, — обезоруженный, отбрасываешь книгу и признаешь полное (дьявол!) поражение. Виктор Вард и его чертовы крапинки обвели тебя вокруг пальца, словно вчерашнего читателя азбуки.

А у Вирджинии Вульф, эти цветы миссис Дэллоуэй? До чего замечательно — эта Кларисса, это «я куплю цветы сама», будто не хватает воздуха прочитывать, будто Лондон вспыхивает и белеет перед глазами, будто от этих строчек — перебои сердца, как перебитовка у начинающего диджея во время сета. Лермонтов, «Я ехал на перекладных из Тифлиса» — просто. Просто внезапно распахнулось окно, и в комнату с холодным ветром ворвалось чувство свободы и опасности. Вот что заставляет дышать — как будто ты никогда раньше не знал, что это такое. Когда между словами — бесконечные просторы, а позади запятых в любой момент — воздушная тревога.

А в моем мире — никакого намека на воздушную тревогу. Ученые-гуманитарии, мы пишем так, что за очередным витком, заканчивающимся на «исходя из вышесказанного», *можно с уверенностью сделать вывод, что, вне всякого сомнения, этот факт наглядно демонстрирует описываемый феномен; с огромной степенью уверенности можно говорить в таком случае о своеобразной двойственности этой нарративной конструкции...* И на каждом шагу, на каждом шагу — добавление целых кластеров суффиксов, нанизывание их на шпажки, нагромождение -ость, -ство, -ние. Когда после долгих ночей бесконечных эссе я встаю — потягиваясь, стряхивая мертвую лихорадку, что бывает, когда надо за столько-то часов написать эссе в столько-то слов, а ты твердо знаешь, что ты пишешь только икс слов за икс минут, и минут выходит намного меньше, чем слов, — за окном брезжит холодный розо-

вый рассвет и начинает верещать как заведенная смешная маленькая птичка, примостившаяся на балконе напротив. И я произношу вслух, глядя на нее, думая о себе: *«Сегодня самой собой мне был продемонстрирован случай исключительной выносливости и пример того, как в экстремальной ситуации, казалось бы, даже истощенный организм способен под воздействием адреналина задействовать скрытые ресурсы и показать результаты, значительно превосходящие мою стандартную производительность труда»*.

Постепенно все меньше и меньше замечаешь дефекты высушенной академической речи. Мои коллеги могут произносить двадцатиминутные тирады без перерывов на вдох и выдох, а мимолетный кивок при встрече грозит историческим экскурсом длиной в три тысячелетия: это академическое мышление, такая манера жить и думать, где мозг распознает *как явные, так и имплицитные связи между предметами, не только удаленными в пределах одного семантического поля, но и зачастую не имеющими на первый взгляд никаких идентифицируемых смысловых связей*.

Почувствовав, что перед глазами все плывет и теряет резкость, я встряхнула головой, по очереди сняла с руля одну руку, затем другую и немножко размялась — сжала и разжала пальцы, постучала по матовому пластику приборной панели и снова сконцентрировалась на дороге: новый вечерний город требовал сосредоточенности.

Раньше мне казалось, что Чикаго — это не для меня. Слишком много стали и серого цвета. Но за внешней холодностью и сверкающей поверх-

ностью озера Мичиган таится тот же Нью-Йорк, разве что с большей примесью американского колорита. Нью-Йорк, Москва, Токио, Берлин — все столицы одинаковы: наднациональны и гостеприимны ко всем тем, кому некуда податься. Поэтому Чикаго показался мне родным своей бесстрастностью, своей металлической чопорностью, улицами без деревьев и только клочком зелени в самом центре, в Грант-парке. Металлические конструкции и блестящие шары по всему городу, и дети плещутся в серебристых космических фонтанах, пока прокатная машина проезжает мимо Института Искусств, который под огромный залог и с невиданными мерами безопасности предоставит завтра для показа на конференции славистов оригинал Кандинского.

Решение Международной ассоциации славистов проводить в этом году конференцию в башне Трампа озадачило ученых с репутацией и в возрасте и прошло совершенно незаметно для молодежи. Это вроде бы небольшая перемена, «перенос нашей святая святых в логово торжества капитализма», прокомментировал на страницах ежеквартального «Русского обозрения» крупнейший специалист по поэзии Державина профессор Д. Но, заявил он, Трамп-отель, символически протыкающий небо штыком своей башни, не только демонстрирует то, что у открытого всего десять лет назад центра нейронно-конфликтных разработок уже набралось немало щедрых выпускников, но главным образом отражает переменную статуса современных гуманитарных наук: из

угла всеми игнорируемых сирот научной сферы мы наконец-то вышли на авансцену, пообещав явить миру что-то поистине чудесное и невероятное. Точнее, это значит, что профессор Карлоу, под руководством которого я работаю, подступил к грани открытия, которое затмит всё, о чем говорили и писали в последние пятьдесят, а то и сто лет. И это перекрывает все квантовые физики и большие взрывы вместе взятые. Если я не подведу.

Это также значит, что Карлоу появился за последние четыре месяца на обложках *Times*, *The Economist*, *Esquire*, *GQ* и *Citizen K* — и выглядел так небрежно, что, несмотря на сдержанные заголовки журналов первого ранга, издания помельче спешно запестрели выкриками вроде «*Carlow made academia sexu*», а мне пришлось ассистировать на бесконечных съемках, наблюдая, как мой босс неуклонно превращается в глазах публики в революционную фигуру, олицетворяющую слияние мира старых добрых честных академиков и широко разинутых челюстей глянцевого журналов.

Но это хотя бы вносило разнообразие в мою лабораторную жизнь. Каждый раз, когда наступало время снимать с себя датчики и надевать туфли на каблучке, помахивать портфелем с «секретными» документами (которых, конечно, я и в глаза не видела — по условиям нашего «слепого» эксперимента, информацию мне предоставляли выборочно, в основном о перспективах на двадцать-тридцать лет вперед и очень мало о текущей работе), шагая

позади профессора Карлоу в отутюженном костюме от Вивьен Вествуд, который мне подобрали стилисты, работающие с нашей лабораторией, — нет, вы не ослышались, — я считала с каждым шагом и стуком каблуков аргументы «за» и «против» проекта. Чего же в нем больше — мании величия или бесконечной доброты, мессианства или гонки вооружений, открытия или конкуренции?

На съемках роль Карлоу заключается в том, чтобы стоять, сложив руки на груди, глядя вдаль, в свитере (классическом, но с необычным edgy-кроем) глубокого синего цвета с небрежно перекосившимся треугольным вырезом, и у меня слишком много дел, чтобы размышлять о том, на что я не могу повлиять (поэтому, пока стилисты высчитывали и вымеряли идеальное положение выреза — такое, чтобы казалось случайностью, но не небрежностью, — я успела проверить почту, ответить на двадцать одно письмо и помахать родителям рукой по скайпу. Свою семью я вижу очень редко, не чаще раза в год, а в остальные триста пятьдесят или больше дней наше общение заключается в ожидании друг друга онлайн с учетом одиннадцатичасовой разницы между Казахстаном и Восточным побережьем и как можно более точном и живописном описании того, что происходит там и здесь. По камере я вижу, как растет моя маленькая племянница; как стареет кошка; и упрямо не хочу замечать, как меняются родители. Мои переговоры по скайпу привлекают внимание Карлоу, и он машет мне (жест знако-

мый, означает «хватит бездельничать, нужно поговорить»), придавая при этом неровности свитера ту самую натуральную небрежность, которой не могла добиться команда из шести человек, закончивших Джуллиард или Сент-Мартинс. Я отключаю камеру и послушно отправляюсь принимать и расшифровывать очередную серию указаний).

Карлоу шестьдесят семь лет. У него сверкающие белые волосы и бородка под Лимонова. Очки в массивной черной оправе, поставленный голос и жесты до того отточенные, что навевают мысль о долгих упражнениях перед зеркалом или даже о личном тренере. Впрочем, скорее всего, это заметно только мне. Самое главное во внешности Карлоу — это безграничный интеллект, ввевшийся, как пыль, в его тонкие веки и прямой нос с горбинкой настолько, что иной раз мне кажется я могу прямо по лицу подсчитать его IQ. По слухам, от 170 до 200; самый молодой участник общества Менса за всю его историю; самый именитый профессор в Массачусетском технологическом; основатель кафедры конфликтной нейрологии; сухой, строгий, всегда одетый в серое с белым или голубым; Карлоу не дает мне спуску.

С самого начала нашей совместной работы мы установили границы и правила. Поскольку работа означала непрерывный переход на личности, точнее на личность — мою, профессор посвятил меня в личные мотивы своего исследования, а также в собственные амбиции, планы и дальнейшие разработки. Само собой, говорить об этом мне за-